

7. Журина М.А. Посессивность// Большой энциклопедический словарь. Языкознание/ под ред. В.Н. Ярцевой. – М., 2000, 690 с.
8. Лухт Л.И. Категория бытия и обладания (французско-румынские параллели)// Категория бытия и обладания в языке/ под ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1977, 262 с.
9. Принципы описания языков «от значений к средствам их выражения»// Принципы описания языков/ под ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1976, 348 с.
10. Репина Т.А. Сравнительная типология романских языков. – СПб, 1996, 543 с.
11. Степанян В.А. Семантико-синтаксическая категория притяжательности во французском языке, АВР. – М., 1979, 24 с.
12. Топоров В.Н. о некоторых предпосылках формирования категории посессивности// Славянское и балканское языкознание. Проблема диалектологии. Категория посессивности/ под ред. С.В. Берштейна. – М., 1986, 252 с.
13. Чинчлей К.Г. Поле посессивности и посессивные ситуации// Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность/ под ред. А.В. Бондарко. – СПб, 1996, 230 с.
14. Чинчлей К.Г. Типология категории посессивности. – Кишинев, 1990, 218 с.

Шустова С.В.

Прикамский социальный институт, г. Пермь, Россия

ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ КАУЗАТИВНОСТЬ

Abstract. The article deals with prototype functional semantic category of causative representing the interaction of two animate participants of the causative situation.

В фокусе внимания автора настоящей статьи находится функционально-семантическая категория каузативности, которая представляет взаимодействие двух одушевленных участников каузативной ситуации, один из которых каузатор осуществляет каузативное действие / оказывает каузативное воздействие с целью модификации психической, физической, перцептивной и информативной сфер объекта каузации, т.е. каузативность фиксируется с области интерперсонального взаимодействия.

Категория каузатора предполагает одушевленный предмет. Одушевленность отождествляется с активностью (инактивностью), способностью к спонтанному изменению и движению. Неодушевленность отождествляется с инертностью, неспособностью к наблюдаемым изменениям (См., например, [Кацнельсон 2001: 572]).

Каузативные глаголы обозначаются также как факитивные глаголы, хотя существуют достаточно веские основания для их разграничения.

Фактитивные глаголы актуализируют непосредственную физическую каузацию (например, эта точка зрения представлена в работе [Плунгян 2000]). Фактитив рассматривается как каузативный результатив, т.е. фактитив приравняется к результативу. Фактитив рассматривается также и как семантическая роль (одушевленные или неодушевленные предметы, возникшие, прекратившие своё существование или подвергшиеся изменению): *Она родила дочь; Мама печет пирожки; Мальчик нарисовал картину*. Здесь фактитив – семантическая роль. Считаем, что это серьезное отличие фактитивов от каузативов, так как каузативы интерперсональной семантики не предполагают создание объекта.

Следующим моментом необходимости разграничения каузативных и фактитивных глаголов является рассмотрение явлений переходности и непереходности. Фактитивные глаголы в широком смысле обозначают все переходные глаголы в семантике которых есть смысл CAUS [Апресян 1995; Meibauer 2007]. Существует мнение, что все каузативные глаголы непременно переходные, поскольку каузативность обязательно предполагает наличие объекта. Однако это отнюдь не означает, что все переходные глаголы являются каузативными, и главных причин тому – две:

1) во-первых, такие глаголы как *слышать и видеть и др.* глаголы перцепции также являются грамматически переходными (т.е. допускают наличие после себя прямого дополнения), но не являются каузативными;

2) во-вторых, переходность каузативных глаголов имеет свою специфику: если переходный глагол обозначает действие, просто переходящее на объект, то действие, выражаемое каузативным глаголом, не только переходит на объект, но и заставляет (побуждает) последний действовать и перейти в новое состояние [Аматов 2005: 118-119].

Категорию переходности можно рассматривать с двух позиций: семантической и синтаксической (в терминологии С.Д. Кацнельсона это содержательная и формальная переходность). Семантическая переходность связана с распространением действия, на тот или иной объект и, очевидно, допускает определённую градацию. Вслед за А.М. Аматовым, считаем целесообразным ввести следующие семантические типы переходности в зависимости от степени выраженности: 1) направленное действие; 2) воздействие [Аматов 2005: 121-123].

Направленность предполагает, что действие лишь распространяется на объект, который сам при этом в его реализации не участвует. К переходным глаголам этого типа отнесем глаголы перцепции: *Я вижу тебя*.

Воздействие включает в себя уже не только направленность действия, но и подверженность объекта этому действию. В результате этого воздействия объект каузации претерпевает определенные изменения: *Я убеждаю тебя. Я опровергаю твои доводы. Я подтверждаю твою позицию*. Очевидно, что степень семантической переходности неодинакова и зависит от роли объекта каузации.

Наиболее существенным признаком переходного глагола, с синтаксической точки зрения является его способность образовывать страдательные конструкции путём трансформации подъёма прямого дополнения в позицию подлежащего и пассивизации самой глагольной формы [Там же].

Каузативные глаголы интерперсональной семантики мы относим к глаголам воздействия, т.е. это действия, сопровождающиеся дополнительными признаками модификации (психической, физической, перцептивной, информативной) объекта каузации.

Каузативные глаголы относятся к разряду интенциональных глаголов. Интенциональность рассматривается как обязательная составляющая каузативной ситуации. Интенциональность, т.е. зависимость от воли и намерения каузатора, присуща прежде всего действиям человека, хотя, по мнению В.К. Гречко, в широком смысле она характерна и для процессов, производимых с помощью машин, и для общественных процессов, и для процессов, протекающих в живых организмах, в силу свойственного им развития [Гречко 1985, 1986].

Традиционно действия классифицируются на: 1) произвольные, осознанные, преднамеренные, активные, преднамеренные; 2) непроизвольные, непреднамеренные, неконтролируемые [Ямшанова 1991а: 103]. Глаголы действия – более широкая категория, чем глаголы воздействия [Кацнельсон 2001, с. 575].

В последнее время все большее распространение приобретает признак контролируемости / неконтролируемости.

Pleines говорит о глобальном отношении причинения между двумя «инстанциями» – контролирующей и контролируемой, первой из которых может быть не только человек, но и предмет, и природная сила [Pleines 1976: 84-87].

Под интенциональностью следует понимать связь языковых значений с намерениями говорящего, с коммуникативными целями речемыслительной деятельности.

Понятие интенциональности включает два аспекта:

1) аспект актуальной связи с намерениями говорящего в акте речи, с коммуникативной целью, с целенаправленной деятельностью говорящего, т. е. с тем, что он хочет выразить в данных условиях коммуникации – аспект «собственно интенциональный»;

2) аспект смысловой информативности – имеется в виду способность данной функции быть одним из элементов выражаемого смысла.

Интенциональные глаголы обозначают любое действие агентивного субъекта, вступающего в процессе своей деятельности в разнообразные отношения с объектами, на которые он воздействует. Интенциональность может рассматриваться как направленность, частным случаем которой является направленность субъекта на реализацию действия.

Лексический каузатив, например, манифестирует значение каузативности либо сообщением о побуждении, либо непосредственным побуждением. Данные значения актуализируются различными языко-

выми средствами. Актуализация семантики каузативности обусловлена наличием следующих критериев: 1) характер воздействия на объект каузации; 2) характер успешности завершения процесса побуждения; 3) временная отнесенность изменений, вызванных в объекте побуждения; 4) наличие / отсутствие семы способа совершения каузируемого действия; 5) наличие / отсутствие оценочной семы; 6) модальность.

В процессе актуализации семантики каузативности непосредственным побуждением релевантным является фактор совпадения / несовпадения семантического содержания каузативной структуры с коммуникативной интенцией каузатора как субъекта побуждения.

Непосредственное побуждение подразделяется на прямое и не прямое, последнее объединяет две разновидности: а) косвенное побуждение; б) скрытое побуждение.

Прямое побуждение актуализируется в речи следующим образом: а) аппелятивным высказыванием (императивная синтаксическая конструкция); б) перформативным директивным высказыванием, т. е. предложением, организованным перформативным глаголом побудительной семантики. Непрямое побуждение можно рассматривать как вторичный способ номинации референтной ситуации и интенций каузатора. Непрямое побуждение в этом случае имеет усложненную иллокуцию. Это соответствует сложному (непрямому) директивному речевому акту. Непрямое (косвенное и скрытое) побуждение выступает эффективным тактическим средством речевого общения, представляет собой этикетную форму выражения как категоричного (директивного), так и некатегоричного (оптативного) побуждения.

Значение оптативности реализуется в оптативной ситуации. Оптативные ситуации представляют собой ту разновидность модальных ситуаций, которые включают в себя: 1) модальность желания; 2) субъект модальности желания (коррелятивный говорящему); 3) желаемое действие; 4) субъект желаемого действия, как одушевленный, так и неодушевленный.

Трактовка императива и оптатива как двух разновидностей одного коммуникативного типа – волюнтаривности – обуславливается тем, что в этих значениях есть много общего. Наличие компонента каузации играет ведущую роль при разграничении императива и оптатива в семантической структуре волеизъявления. А различие в отношении к признаку адресованности заключается в следующем: императив всегда адресован исполнителю (прямо или косвенно), тогда как оптатив может быть как адресованным, так и неадресованным в зависимости от того, к какому субъекту (лицу или не лицу) относится желание говорящего [Теория функциональной грамматики 1990: 173]. Рассмотренные подходы к исследованию категории каузативности, каузативных глаголов, среды их функционирования позволяют нам говорить об универсальном характере категории каузативности. Считаем перспективным дальнейшее изучение категории каузативности в рамках теории системной множественности функциональных свойств каузативных глаголов [Шустова 2010] и теории прототипов.

Каузация представлена в грамматиках большинства языков, при этом выделяются разноуровневые способы актуализации данного значения. Наименьшие различия наблюдаются в немецком и английском языках, т.е. способы выражения значения каузативности во многом совпадают в этих языках.

В языках Северной и Центральной Америки, рассмотренных Э. Сепиром, доминирующим является морфологический способ. Отмечены также случаи глагольной инкорпорации, например, в языках могакк и навахо [Бейкер, 2008].

В индийских языках Западного Индостана хинди, урду, гуджарати, раджастхани представлен морфологический способ образования каузативного значения и фонетический (изменение звукового вида гласных). В бирманском языке каузатив образуется при употреблении прямого дополнения. В африканских языках каузатив засвидетельствован повсеместно и реализуется несколькими типами каузативных показателей в койсанских языках, в языках банту, в атлантических языках, в языках гур [Плунгян 2010], в языке лингала (язык межэтнического общения Конго), киконго (языки банту) также В.П. Хабировым зафиксирован морфологический каузатив. В.П. Хабиров выделяет также лексико-синтаксический каузатив в языке санго, относящемся к убангийским языкам.

По мнению Дж. Лакоффа, категории видов каузации демонстрируют прототипические эффекты. Прототипическая каузация представлена в концепции Дж. Лакоффа как связанный пучок (кластер) интеракциональных признаков и актуализирует непосредственное воздействие. Ученый выделяет следующие интеракциональные признаки прототипической каузации:

1. Имеется агент, который делает нечто.
2. Имеется объект, который претерпевает изменение, переходя в новое состояние.
3. Признаки 1 и 2 образуют единое событие; они накладываются друг на друга во времени и пространстве; агент вступает в контакт с объектом.
4. Часть того, что делает агент (движение или усилие воли) предшествует изменению объекта.
5. Агент является источником энергии; объект является получателем энергии.
6. Агент и объект являются единичными и определенными.
7. Агент является человеком.
8. а. Агент намеревается совершить свое действие.
б. Агент контролирует свое действие.
в. Агент несет главную ответственность за действие и изменение.
9. Агент использует свои руки, тело или какой-то инструмент.
10. Агент смотрит на объект, изменение в объекте является воспринимаемым и агент воспринимает изменение [Лакофф 2011: 82].

Анализируя прямую и косвенную каузацию, Дж. Лакофф указывает на то, что непреднамеренная каузация менее репрезентативна,

чем происходящая по воле агента. Ученый выявляет следующую закономерность: чем более непосредственной является каузация, тем ближе расположены морфемы, выражающие причину и результат (*kill* – выражает прямую каузацию, причина и результат выражаются в одной морфеме; *cause to die* – выражает косвенную каузацию).

Понятийная категория каузации выражается грамматической конструкцией или морфемой. Прототипическое понятие каузации, по мнению Дж. Лакоффа, встроено в грамматику языка.

На основе тщательного анализа языкового явления могут быть выделены константы, представляющие метаминимум этого явления. Для категории каузативности такими константами предлагаем считать «каузатор», «каузативное действие», «объект каузации», «инструмент каузации». Сфера каузативности с позиций интерперсональности представляет огромный интерес с точки зрения философии языка, философии грамматики, но и не меньший интерес с позиций психолингвистики. Это связано с декодированием объектом каузации интенции каузатора, разграничением между видами каузации, интерпретацией связей между событиями и действиями людей.

Библиография

1. Аматов А. М. Причинно-следственные связи на разных уровнях языка. Дис. ... д. филол. н., 2005. 347 с.
2. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Избранные труды. М.: Школа «Языки русской культуры»: Вост. лит., 1995. Т. 1. 472 с.
3. Бейкер М. Атомы языка: Грамматика в темном поле сознания / Пер. с англ. О.В. Митрениной, О.А. Митрофановой. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 272 с.
4. Гречко В.К. Конструкции с полнозначными каузативными глаголами в научном стиле (на материале немецкой научно-технической литературы) // Типология конструкций с предикатными актантами. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. С. 194-197.
5. Гречко В.К. Функционально-семантическая характеристика элементарного предложения в немецких научно-технических текстах: автореф. дис. ... д. филол. н. Л., 1986. 31 с.
6. Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001. 864 с., ил. (Классики отечественной филологии).
7. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Кн. I. Разум вне машины / Пер. И.Б. Шатуновского. М.: Гнозис, 2011. 512 с.
8. Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. М.: URSS, 2000. 384 с.
9. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. 264 с.
10. Шустова С.В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход: монография. 2-е изд. испр., доп. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, Прикам. соц. ин-та, 2010.

11. Meibauer J., Demske U., Geilfuß-Wolfgang J., Pafel J., Ramers K.H., Rothweiler M., Steinbach M. Einführung in die germanistische Linguistik. 2., aktualisierte Auflage, J.B. Metzlerische Verlagsbuchhandlung und Carl Ernst Poeschel Verlag in Stuttgart, 2007. 370 S.
12. Pleines J. Handlung – Kausalität – Intention. Tübingen, 1976.

*Deschamps Eric,
УрГПУ, г. Екатеринбург, Россия – Париж, Франция*

LES ORIGINES DU FRANÇAIS EN RUSSIE ET LES ORIGINES DE LA CONNAISSANCE DE LA RUSSIE EN FRANCE

Histoires parallèles. L'histoire de la France et de la Russie possèdent beaucoup de points communs indirects et parallèles à commencer par les dates de créations de ces deux vénérables pays millénaires.

Mais cette comparaison temporelle ne s'arrête pas à la naissance de ces deux puissances, elle s'affirme également dans l'origine de leurs langues.

Les historiens s'accordent à dire que la France est née lors du traité de Verdun signé en 843. Traité qui fixe le partage de l'empire de Charlemagne entre ces trois petits-fils. A cette occasion, la Francie Occidentale, future Royaume de France, échoit à Charles le Chauve.

A la même période, mais plus à l'Est se développe à Kiev, le Pays des Varègues, connu sous le nom de Rus' de Kiev ou plus simplement Rous'.

Contrairement à la France dont les frontières commençaient à se définir, le Royaume des Varègues n'était qu'une lointaine ébauche des limites actuelles de la Russie mais il lui a néanmoins laissé son nom.

Ce qui est moins connu, c'est que l'on doit à ce Royaume situé au Nord de la Mer Noire, héritière de la légendaire Scythie, une partie de la descendance des rois de France de la lignée des capétiens.

En effet, en 1051 un mariage royal fut célébré entre Anne fille du prince Iaroslav de Kiev et Henri Ier. De cette union naquit Philippe Ier. A la mort de son père le dauphin était alors âgé que de huit ans, et Anne de Kiev assura la régence durant six ans. C'est le seul exemple connu de l'Histoire de France où le Royaume fut dirigé par un slave.

Près de sept siècles plus tard Pierre le Grand rêvait de nouveau d'une telle union, entre sa fille Elisabeth et Louis XV, mais l'entreprise ne put cette fois aboutir.

Dans l'état actuel de nos connaissances, le premier texte connu écrit en français, rédigé en ancien français alors dénommé roman, est le Serment de Strasbourg. Serment prononcé en 842 entre deux petits-fils de Charlemagne (Charles le Chauve et Louis le Germanique) qui s'accordaient mutuellement un soutien militaire en cas de revendication territoriale de leur frère belliqueux, Lothaire. La guerre ouverte de succession et ce